

Северный Лис

СТРАСТИ по АНДРЕЮ

*«...Видишь, там, на горе
Возвышается крест.
Под ним десяток солдат.
Повиси-ка на нем,
А когда надоест,
Возвращайся назад.
Гулять по воде со мной...»*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Северный Лис

Страсти по Андрею

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72082483

SelfPub; 2025

Аннотация

В Петербурге происходят убийства. В город отправляется московский профайлер специалист по серийным убийствам Матвей Ильинских.

Театральный художник Андрей Стасов на пути своего становления, поиска себя и своего места в жизни оказывается втянутым в расследование.

Эта повесть – размышления автора о вечном сражении добра и зла в человеческих душах, о том, как один человек превращается во зло, а другой, становясь на путь борьбы со злом, наконец, обретает себя, о lex talionis (законе воздаяния), и, конечно, о любви.

Странным образом судьбы героев переплетаются, а найти убийцу помогают события из прошлого одного из героев повествования.

Северный Лис

Страсти по Андрею

В Петербурге происходят убийства. В город отправляется московский профайлер специалист по серийным убийствам Матвей Ильинских.

Театральный художник Андрей Стасов на пути своего становления, поиска себя и своего места в жизни оказывается втянутым в расследование.

Эта повесть – размышления автора о вечном сражении добра и зла в человеческих душах, о том, как один человек превращается во зло, а другой, становясь на путь борьбы со злом, наконец, обретает себя, о *lex talionis* (законе воздаяния), и, конечно, о любви.

Станным образом судьбы героев переплетаются, а найти убийцу помогают события из прошлого одного из героев повествования.

Глава 1

Просите и дано будет вам...

Вся эта история началась в день рождения Маргариты. Точнее в день ее рождения события стали стремительно развиваться, цепляясь одно за другое, а началось все несколько месяцев назад, когда рано утром в отделение полиции, расположенное на пересечении Бронницкой улицы и набереж-

ной Обводного канала в Санкт-Петербурге пришел хмурый лохматый парень в сером пальто с большими карманами и поднятым воротником, и протянул в окошко «аквариума» сидевшему там дежурному листок бумаги.

Что это? вяло поинтересовался заспанный дежурный.

Заявление.

Что, тебя тоже дворники разбудили или коты громко орали и мешали спать?

Какие дворники? Я написал тут все.

Что «все» ты тут написал?

О том, что двадцать лет назад был убит ребенок, и теперь я случайно узнал, кто это сделал.

Ты что, парень? Какие двадцать лет назад? Какой ребенок? Ты чего там обкурился? Иди, мозг проветри! и уже в сторону выругался Придурки, блядь!

Заявление примите, не унимался молодой человек.

Проваливай, или что еще не понятно? начал заводиться дежурный.

Примите, с нажимом сказал парень и было видно, что уходить он не собирался.

Я тебе сказал, иди отсюда и не мешай работать, а то сейчас в обезьянник отправлю.

Слышь, Геннадий, обратился дежурный к напарнику, кто там у нас отдыхает?

Геннадий почесал ляжку и заржал:

Свободно. Бомж сидел, так я его отправил двор убирать.

Вот, видишь, свободные места есть. Занимайте, граждане, места согласно купленным билетам, и заржали теперь уже оба.

Парень насупился и отошел от аквариума, будто бы собираясь уходить, но остановился у выхода. В этот момент двери отделения распахнулись и вошел средних лет человек с капитанскими звездочками на погонах. Дежурный крикнул ему: «Товарищ капитан, тут вот к вам посетитель с ерундой какой-то пришел». Тот, к кому обращался дежурный обернулся:

Кто пришел? С какой ерундой?

Да вот, дежурный кивнул на парня.

Пойдемте со мной, бросил капитан на ходу, и не оглядываясь пошел по коридору.

На дверях кабинета висела табличка «Капитан полиции Лункин И.П.».

Заходи. Бери посадочное место. Садись, Лункин И.П. кивнул на старый стул, сиротливо примостившийся в углу.

Парень сел, с грохотом придвинув стул.

Ну, давай, что там у тебя?

Парень протянул ему заявление и капитан начал читать. Читая, он периодически поднимал глаза на посетителя и прищурясь, недоверчиво смотрел, словно пытаясь понять, псих к нему пожаловал или нормальный.

Так... Значит, ты, Стасов Андрей Николаевич утверждаешь, что тебе известны сведения о человеке, который 20 лет

назад в Подмосковьё изнасиловал и убил ребенка... Что сведения ты эти получил от гражданки, фамилии которой ты не помнишь, хотя и учился с нею вместе десять лет в одном классе...

Правда, не помню. Простая какая-то фамилия. То ли Никонова, толи Кононова. Ну, забыл! Что такого?

Да ничего. Бывает. Ну вообще, этим делом следком должен заниматься. Но я тебя огорчу. Ничего не будет. 20 лет, брат, все сроки давности вышли. Так что, ничем тебе помочь не могу. Да и дела расследуются по месту совершения преступления, так что заявление твое мы отправим в Тулу, а уж что там они решат...

Значит, никакого наказания ему не будет?

Справедливости, значит, хочешь? Капитан закурил. Ты где ее видел, справедливость -то? Но не переживай, что от нас требуется, мы выполним строго по инструкции, отправим твое заявление по всей форме и куда надо. А ты молодец, что пришел. Столько лет прошло, а ты пришел, правды ищешь. Совестливый, значит, капитан улыбнулся.

Спасибо. Тогда я пойду. Мне на работу пора. До свидания. Ну, давай.

Андрей вышел. Капитан еще раз пробежал глазами исписанный лист бумаги, подумал секунду, и смахнул его в ящик стола, третий снизу, где у него лежали заявления об отсутствии воды в кране, о том, что заявителю в овощном киоске продали горький перец вместо сладкого, о том, что сосед

поставил у себя электронную пушку и облучает заявителя нейтронами, то есть о таких делах, которые никогда не будут расследоваться, и годились бы только для сборника курьезов о работе в дежурной части.

Никто не знал тогда, что этот исписанный листок и стал тем самым файлом из небесной канцелярии, где решили, что время Lex Talionis пришло.

Там, на самом верху, решение приняли и файл отправили, но по причине, именуемой человеческим фактором, а именно капитаном Лункиным И.П., он попал в спам, а точнее ящик стола капитана и пролежал там почти полгода.

Но с той почтой лучше не шутить... Эти файлы рано или поздно, но обязательно находят своих адресатов. Так случилось и с этим, когда капитана Лункина И.П. свалил инсульт, и молоденького стажера посадили разбирать старые бумаги в столе капитана. Вот тогда файл и нашелся. И теперь следователю экстра-класса, специалисту по серийным убийцам подразделения «П» ГУУР майору Матвею Ильинских надлежало в самое ближайшее время отправиться в Петербург на расследование серии убийств.

Глава 2

Не сотвори себе...

Люди с опаской, а чаще насмешливо относятся к одиночкам и заводят какие-то взаимоотношения, чтобы не чувствовать себя ущербными. Люди поддаются и тратят время на не нужных людей и даже заводят семьи, просто потому, что так

принято, потому что нужно бояться одиночества. И за всей этой бестолковой и бесплодной суетой как-то совершенно забывается простой факт: единственный человек, с которым ты проведёшь всю жизнь, это ты сам. С некоторых пор Матвей хорошо усвоил это и предпочитал быть один. Свой сороковой день рождения Матвей тоже праздновал один.

Однажды его коллеги решили пошутить. Скачали где-то в интернете, и оформив в рамочку, подарили ему заповеди интроверта. Все они более или менее соответствовали характеру Матвея, и можно было подумать, что он и вправду был нелюдимым человеконенавистником, но ,на самом деле, он просто ценил своё время и предпочитал проводить его либо наедине с собой и миром с пользой, либо с действительно близкими и дорогими людьми. Да и вообще, все эти ярлыки, такая же чушь, как и гороскопы, например. В каждом всего хватает, а вылезает то, что спрятано в человеке, на самом деле, в зависимости от обстоятельств, вот и все, а звезды тут ни при чем.

Но подарок Матвею понравился. Он прочел тогда эти заповеди и немного слукавил, отметив, что все, как одна «в десятку». С тех пор они висели над телевизором рядом с молитвой Оптинских старцев, которую подарила ему мама. «Господи, дай нам с душевным спокойствием принять все, что принесет нам сегодняшний день...».

Вот и в день рождения Матвей тоже не стал делать исключения, считая собственное одиночество вполне достой-

ной компанией. Купил себе пластиковый бочонок хорошего пива, брусок Бюш де Шевр, который любил за тонкую пыльную горчинку аромата и сливочный вкус. К этому сыру рекомендуют красное вино, но ему нравилось есть его с пивом. Полистал интернет в поисках фильма на вечер... Сеть предложила фильм «Подлость». Чернухи тоже не хотелось, но ладно, тем более на превью были изображены две милые девушки. Фильм оказался так себе, ничего особенного, но для того, чтоб скоротать вечерок самое то. Не хотелось заумного артхауса или еще чего похлеще. Было очевидно, что и режиссер не собирался мудрствовать и финал скорее всего стал бы незатейливым хэппи эндом, но в один момент все пошло не так.

Если коротко, то две подруги решились на кражу. Но одна сбежала, прихватив добычу, а вторая осталась в ловушке за закрытой дверью. Он даже отвлекся от своего пива, когда она, от отчаяния и безвыходности положения, решила сигануть в окно. Тогда он увидел ее лицо. Сказать, что ему сунули электрошокер в мозг-ничего не сказать. И не столько его потрясла сама сцена, сколько эмоции актрисы, сыгравшей героиню.

Вот уже который день он видел перед собой ее крупный план в окне третьего этажа. Ни слез, ни слов, ни крика. Один этот безмолвный взгляд, сокрушительный взгляд жестоко обманутого, но все еще любящего ребенка...

Он подумал тогда: вот живешь, и с каждым годом сердце

обрастает каменной кладкой, которая заливается бетоном, не оставляя самой маленькой дырочки к живой плоти, все это обматывается цепями, скрепляется замками, а ключи выбрасываются подальше, чтоб уже никогда не открыться... И вдруг один вот такой взгляд взрывает всю эту конструкцию и она летит в чертову бездну... Волна какой-то отчаянной нежности, про существование которой он давно забыл, накрыла его с головой.

«С тех пор, как чей-то чудный взор смутил тебя смертельно...», крутились в голове строчки. Этот взгляд врезался в него, запомнился и потом он не раз мысленно возвращался к нему и ловил себя на том, что слишком часто стал думать о ней.

Он нашел ее профиль в соцсетях. Но там она была другая. Невероятно красивая, но такая... недостижимая, что и понятно, ведь она известная персона, про таких говорят звезда. Он никогда не интересовался этими знаменитостями, считая, что звезды вообще-то сияют на небе, и был далек от киноиндустрии и, уж тем более, от шоу-бизнеса. А ведь он подумал вначале, что актриса, сыгравшая героиню всего лишь актриса вторых ролей. Лицо ее не примелькалось. Да и не актриса она вовсе. Она известный режиссер и сценаристка. Снималась она исключительно там, где хотела только она, а не там, куда звали. Таких женщин он стеснялся и побаивался. Увидела бы его и даже не обратила внимания. Хотя зря он так думал. Высокий, стройный и сероглазый, он нравился

женщинам. Впрочем, где бы она его увидела? Смешно. Две разных мира, которые никогда не пересекутся. И вообще зачем она ему, он не понимал. Но его уже накрыл морок, который он не распознал вовремя и заболел ею. В один момент он превратился в несущийся с горы неуправляемый состав и никто не знал, что впереди разобраны пути...

Воистину «не сотвори себе кумира»...

В день ее рождения он написал ей в соцсети поздравление под ником Хантер. Скорее всего она не увидела его среди прочих и не прочла. Да и читает ли она все эти восторженные сопли фанатов? Наплевать, подумал он, листая профиль и любуясь ее фотографиями, а вокруг него рассыпались тем временем крохотные и сверкающие частицы счастья.

«С тех пор, как чей-то чудный взор...»...

Глава 3

Боящийся не совершенен в любви...

Варька, симпатичная кареглазая барышня с пышными формами, лет тридцати с небольшим и по совместительству кинокритик, лежала на кровати в квартире своей знаменитой подруги Маргариты Вересовой, которая была и режиссером и сценаристом, и даже снялась в нескольких фильмах а теперь еще и представляла на показах очень известный модный бренд, хотя и нечасто. Девушка листала ленту с поздравлениями, адресованными Маргарите, у которой недавно был день рождения, в ее же телефоне, комментировала их и ерничала.

Слушай, сколько же народа сходит по тебе с ума. Вот делать нечего людям.

Не завидууй, хмыкнула Маргарита, перебирая какие-то вещи в шкафу, смотри, какой шарфик. Она приложила к щеке нежный шелк, расшитый забавными кошачьими рожицами.

Совсем про него забыла. А он, между прочим, из прошлогодней коллекции. Не стыдно еще надеть или подарить кому.

Да ладно, чему завидовать, подруга? Они просто не знают, что у тебя классный фотограф. А у фотографа классный Фотошоп, Варвара откровенно издевалась.

Ладно, не сердись. Конечно, все они пишут от души, девушка сложила ладони вместе, будто в молитве, и сделала брови домиком, ага. Многие бы свою душу продали за то, чтобы ты хоть пару слов написала в ответ или за то, чтобы заглянуть в твою спальню, например...

Кстати, знаешь, сколько среди них идиотов и откровенно криминальных придурков? А может и маньяков, Варька сделала страшные глаза, ты слышала, что в Питере маньяк завелся?

Ну дура... Идиотка... Хватит пить уже..., Маргарита поджала губы и покосилась на полупустую бутылку вина, стоящую рядом с кроватью.

Девушка, пропустив мимо ушей совет подруги, снова налила себе вина и закурила, блаженно вытянувшись. Толстый пушистый кот мягко прыгнул на кровать, и стал ластиться к ее руке. Машинально почесывая кота за ухом она продол-

жала листать ленту.

Слушай, протянула вдруг девушка, а вот это нечто. Послушай!

Отстань от меня! Тебе самой не надоело еще дурью махать? отмахнулась Маргарита.

Да нет, послушай, послушай! «Итак, бал продолжается... Черета гостей не иссякает. Еще приходят запоздалые, чтобы выразить королеве восхищение. Присоединюсь и я, пожалуй. «Мы в восхищении, королева Марго. Мы в восхищении». Пожелаю вам: Восхищайте нас, все остальное человечество, и далее. Восхищайте, не жалея нас, восхищайте, не щадя нас. И воздастся вам, поцелованная Творцом, совершенной красотой и божьими искрами. Пусть струятся эти искры нескончаемыми потоками, подобно огненным водопадам Энцелада. И может быть тогда вы смилостивитесь и поставите этой планете оценку повыше?

Будьте счастливы». Фигасе... Как поэтично. Слушай, а что такое Энцелада?

Посмотри в интернете.

Варька, держа в руке бокал с вином, одним пальчиком озадачила Google:

Так...ну вот... Энцелад один из 274 спутников Сатурна. Атмосфера состоит из 98% водяного пара, остальное сжиженный метан, выбрасываемый из недр огненными струями. Надо же..., Варвара замолчала и лицо девушки приобрело озадаченное выражение:

Вот есть же люди, которые всё про всё знают... Смотришь на таких, и прям страшно от собственной тупости.

Ну, допустим, не все и не про всё. Между прочим, писатель Оскар Уайльд говорил, что «Я не настолько молод, чтобы всё знать». Когда взрослоешь, все больше понимаешь, что ты ничего не знаешь, резонно заметила Маргарита.

Бу-бу-бу. Да ладно тебе ворчать! Скука какая! А хорошо бы, чтобы такие пожелания сбывались. Представь, ты выходишь из дома, а на тебя льются эти самые потоки и водопады? И ты идешь вся такая... сверкающая и все вокруг падают ослепленные.

Да уж. Только успевай уворачиваться. Лучше бы эти потоки в карманы падали. Если серьезно, то с финансами-то совсем печаль. Я уж даже решила кое-какие вещи продать. С работой совсем никак, с этими праздниками теперь до конца января тишина, показов не будет. Да и билеты на февральские спектакли не продаются. Цена, конечно, высокая, а что делать? Театр крошечный, больше заплатишь за аренду сцены, а еще свет, декорации, костюмы. Мы скоро превратимся в кружок художественной самодеятельности при каком-нибудь Доме культуры, грустно констатировала Маргарита.

Но, казалось, что подруга ее не слышит.

Слушай, а напиши ему, задумчиво сказала Варвара, покусывая кончик сигареты.

Зачем?! И с чего ты взяла, что это он?

Конечно он. Ник Хантер. Где ты видела женщин с таким

ником? Да просто так. По приколу, как говорят подростки. А вдруг это безнадежно влюбленный в тебя владелец яхт и пароходов или вообще меценат?

Слушай, заканчивай пить, правда. Владельцы яхт в соцсетях не пишут.

А что они делают по-твоему?

На нефтяной трубе сидят и нефть качают, вот что. Некогда им, усмехнулась Маргарита.

Вот точно про тебя говорят, что ты ледышка бесчувственная. Женщина ты или где? Да просто поблагодари за поздравление. Типа напиши, что самое крутое поздравление и бла-бла-бла. Да оно и вправду самое крутое. И почему всему нужно всегда находить объяснение? Я б написала. Вот честно! Жаль, что я не ты и мне такого не пишут.

Ну ты же понимаешь, во что это может вылиться?

Во что?

Да в ерунду какую-нибудь! В переписку, например. Потом не отделаешься. Зачем мне это?

Ты вчера родилась? Соцсеть тем и хороша, что если надоело или что, всегда можно заблокировать человека и ноль проблем. Давай я ему напишу? Будто я это ты.

Ты совсем тронулась? Слушай, отдай мой телефон! И вообще, смотреть чужие телефоны неприлично.

Ой, да хватит! Опомнилась она. Ладно, не психуй, я пошутила. Кстати, мы с одной моей подружкой так одному мужику на сайте знакомств как-то написали. Давно. Я не пом-

ню уже что он там о себе писал, но главное, он написал, что совсем лысый. Ну вот мы ему послали инструкцию от шампуня для лечения гнездной плешивости и чего-то там еще... Ржали тогда! Бедный мужик. Представляю, что с ним было, когда он получил ответ.

Ну, дура. Ну дура и есть. И подружка твоя. Такая же. Обе. Парень наверняка переживал.

Ой, да смотри ты на вещи проще! Написали. Поржали и забыли. А я должна была все эти годы переживать, что где-то там, какой-то левый перец всплакнул над своими несбывшимися надеждами и влажными фантазиями? Ладно. Не хочешь и не надо. Может он и вправду маньяк или псих, кто их разберет. В сети все белые и пушистые.

Глава 4

Человек проводник своего проклятия

Андрей метался по кровати словно в горячке. На лбу проступили крупные капли пота. Ненависть пожирала его. Ненависть вновь заполнила его до краев, также, как однажды заполнила боль.

Ему снилось, что он шел по длинному коридору. Серый длинный коридор, как в той коммуналке на Большой Зеленина, в которой он однажды побывал, выбирая комнату для аренды. С обеих сторон бесконечного коридора были двери, будто ведущие в другие помещения, но как только он касался ручки каждой двери и толкал ее, оказывалось, что и ручки никакой нет, а это просто провалы в стенах, заложенные кир-

пичами. Было темно, словно кто-то разлил чернила, и они поднялись в воздух и наполнили его чернотой. А свет почему-то шел снизу и был такой слабый, что он едва мог рассмотреть свои ботинки. Он плыл в темноте, как рыба. Возможно, что сверху было и небо и облака и даже звезды, но все это невозможно было разглядеть из-за сгущенного до вязкости мрака. Потом коридор закончился и Андрею открылся сад с корявыми яблонями. Да и не сад это был. Какие-то задворки, кругом мусор и битые кирпичи...

Он знал, что тот, кого он ищет, здесь. Он даже различал в шорохах и звуках капающей воды его шаги и дыхание.

Страшное место. Он знал это место. Откуда?

Кто ты?!!!!! что есть сил закричал он темноте.

Тыбы!!! Ответила тьма.

Андрей проснулся, словно кто-то схватил его за волосы и просто вышвырнул из этого сна, и резко сел на кровати.

Они опять были здесь. Они всегда приходили к нему по ночам. Иногда по очереди, иногда все вместе. И нашептывали ему свои сальные мерзости и дразнили и, как раньше издевались над ним. Ничего не менялось. Он так и остался тем мальчиком, живущим в мрачном грозовом облаке.

Первой, как всегда, приходила его вечно пьяная мать. Словно одержимая после смерти отца, она таскала в дом всех мужиков без разбора. Но эти ее «кавалеры» раз от раза и год от года становились все страшнее и изобретательней в истязаниях его пьяной матери и его, тогда совсем еще слабого и

беззащитного подростка. Иногда вместе с матерью и мужиками приходили и ее подруги, которые тоже приходили не одни. У каждой из них дома был свой сын или дочь, и поэтому они, сохранив толи остатки мозгов, толи остатки совести не тащили этих страшных мужиков к себе. Они шли с ними в дом, где в соседней комнате, за тонкой стенкой малометражки прятался подросток, маленький чужой сын. Им на него им было плевать. Приходили пьяные, потом еще пили. Потом мать срывала со стенки ковер, подаренный свекровью. Кто-то занимался этим на кухне, вот на этом ковре, кто-то в соседней комнате. Комнаты были проходные, стены тонкие, но это никого не смущало. Через стенку от кровати, где он спал, стоял стол. Этот стол потом полночи долбил ему в стену, а он лежал, притаившись под одеялом, прижав худенькие колени к груди и обхватив их руками. Все знают, что если страшно, нужно непременно спрятаться под одеялом. Он тоже знал, выучил, как дважды два. Заберись под одеяло, притворись, что спишь и , может быть, тебя не заметят и оставят в покое.

Утром мать, ничуть не смущаясь, смотрела ему в глаза, ничего не говорила, не объясняла. А он и не спрашивал. Делал вид, что крепко спал.

Глава 5

Золото в огне жгут, чтобы оно стало чище...

Раньше, когда еще его отец был жив, все было иначе и у него даже были друзья. Он ходил заниматься в художественную школу и там тоже у него были друзья. Особенно они

сдружились после месяца на пленэре. Тогда все первые классы вывезли в деревню, недалеко от города. Они жили в палатках. Днем они бродили стайками за своими преподавателями живописи, таща на себе тяжеленные этюдники, будто хоббиты за Гендальфом и писали акварелью. Акварель пахла медом, а ветер пах травами и покоем. Вечерами они жгли костры, рассказывали страшные истории, а в траве стрекотали кузнечики. Время текло неслышно и счастье казалось бесконечным.

Преподавательница истории искусств часто водила их на разные выставки и много рассказывала о художниках. И конечно каждый из этих юнцов, воображал себя в будущем известным художником, минимум Боттичелли, максимум Репиным или Саврасовым. Мечтал и он. Но отец тогда быстро вернул его на землю, сказав, что можно быть средним инженером, конструктором, учителем и врачом. Это не стыдно. Но если ты хочешь стать художником, нужно быть творцом и нужно быть первым. Средним художником, средним музыкантом или артистом быть стыдно. Это штучная профессия. В ней всегда надо быть первым и лучшим.

Сможешь ли ты? Скорее всего нет. Прости, старик, ты бесспорно неплохо рисуешь, но этого мало, резюмировал отец. Андрей очень любил отца. С ним он был на одной волне. Все, что он умеет, этому его научил отец. С матерью было сложно. Она была очень красива, но истерична, вульгарна и глупа. Ее ласки он не помнил. Если она и ласкала его, то в таком

нежном возрасте, что он забыл. Вот спроси его кто-нибудь: «Расскажи о матери в двух словах», он так бы и сказал, что она вкусно готовила и была очень красивой. Но потом отец умер и все изменилось.

В школе был свой ад, там его поджидали одноклассники. Почему они выбрали именно его? Чем он был хуже их? Учился он не хуже других, но лучше многих из тех, кто не давал ему жить спокойно. Он старался держаться подальше от своих сверстников, не принимал участия в их, порой страшных развлечениях, ни в играх «ты за кого дружишь?». Он много читал, ходил к гаражам кормить котов и птиц. Очевидно это и задевало его одноклассников. «Ты что, особенный?» говорили они ему. Людям вообще не нравится, когда кто-то отличается от них. Раз ты не такой и один против всех, то держись! И он держался, а они травили его изощренно, с энтузиазмом. Казалось, делали они это соревнуясь друг с другом в собственном изуверстве. И девочки, эти маленькие женщины, которые тоже издевались над ним, были чаще изобретательней пацанов.

Они портили его вещи, пинали портфель, топтали тетради, ставили подножки и когда он падал, пинали ногами, подзадоривая друг дружку. Особенным кайфом было поймать его на задворках у гаражей, где он кормил бродящих кошек и птиц. Окружали его, как зверька и гнали с гиканьем и улюлюканьем. Он бежал и просил своего, одному ему известного Бога, чтобы они только не трогали котов. Однажды они

догнали его и сильно избили. Старенькие очки со сломанной дужкой слетели с носа и упали на траву. Заводила поднял их, плюнул в стекла, размазал, а потом снова нацепил их ему на нос. Такая охота повторялась раз от раза.

Поначалу он кричал, плакал и звал на помощь тонким писклявым голоском. Но если кто и вступился за него однажды, это случайный прохожий, который не знал его и просто шел мимо. Он разогнал эту зондер-команду, когда они уже отправились избивать палками вышедших на кормежку котов. Другие взрослые не вмешивались. Все они знали его мать, презирали ее, а вместе с ней и его. Если спросить их:

Почему вы не пожалели этого подростка? этот вопрос вызвал бы у многих удивление. Такое окружение проживало на той рабочей окраине. Бьют? Поделом, так считали они. Однажды его обвинили в том, что это он начал драку и избил сверстника. И все потому что мать того мальчишки председательствовала в родительском комитете. Она пришла в школу и нажаловалась директору, а его мать никогда не ходила в школу и заступиться за него было некому.

Учительница тогда отвернулась с плохо скрываемым отвращением, увидев, как он кулаком размазывал по лицу кровавые слезы вперемежку с соплями. А мать дома отругала за форму, испачканную кровью, с раздражением сказав: «Ну и кто теперь должен это отстирывать?»

Она налила в таз воды, сунула ему кусок мыла: «Давай сам», и ушла. Слезы капали в таз с мыльной кровавой пеной,

сбитые кулаки щипал едкий раствор, отстирывалось тяжело, потому что кровь уже успела засохнуть и въелась в форменные штаны, его худенькие плечи сотрясались в беззвучных и беспомощных рыданиях.

Однажды он снова пришел покормить котов и увидел старого матерого кота, очень напоминавшего ему его кота Мишку. Мертвый кот висел на старой яблоне с уродливыми крючковатыми ветвями, под ним догорал костер, в котором лежал кусок резины. Он еще тлел, распространяя вокруг удушливую вонь.

Тельце кота сильно обгорело и скрючилось от жара, на мордочке застыли крупные слезы.

Вместе со звериным криком слезы хлынули из подростка было наружу, но застряли на полпути. А крик прорвался kloкочущими хрипами и вылился рвотой... Сердце его заходило в жутком бое, кулаки сжались так, что ногти впились в ладони и из-под них пошла кровь. Он разгрыз узел на кошачьей шее зубами, снял кота и стал руками копать ямку. Его ногти поломались, пальцы покрылись ссадинами, но он не чувствовал этой боли. Боль была другой. Она заполнила все его существо до краев, готовая расплескаться. Весь мир вокруг него содрогнулся от этой боли, когда она полилась через край. Ее было столько, что он окаменел от той боли. Он сам стал этой болью, потому что в нем, кроме нее, живого больше ничего уже не осталось.

Придя домой прошел в свою комнату, не отвечая на во-

просы матери. Она что-то спросила. Разве? А он больше не слышал ее. Какая разница, в конце концов? Прошел к себе, лег на кровать и умер. Нет, он был жив, умер тот, который жил в его теле до сегодняшнего дня. Что-то произошло с ним в тот день. Родился другой и этот другой был способен на то, чего еще сам не еще знал и этого другого всем остальным стоило бояться.

Андрей перестал реагировать на происходящее дома, словно этого больше и не было вовсе. Он забросил свои книги, краски и альбомы, записался в спортивную секцию и остервенело истязал себя на тренировках. Спустя время, он стал ощущать в себе нечто, набирающее силу день ото дня. Нет, он не нарастил себе крутых мышц, возможно немного вытянулся, но расти нормально в его возрасте. Что-то изменилось в нем самом. В его взгляде, в его облике. Видя перемены, произошедшие с ним, теперь даже мужики матери поглядывали на него с опаской и перестали его цеплять ... Андрей практически перестал разговаривать с теми, кто его окружал. А о чем? Сверстники тоже заметили происходящее с ним. Один из них, отбитый на всю голову, тот самый заводила однажды попытался снова его зацепить, и сильно толкнул у входа в раздевалку. Андрей не ударил его, но посмотрел на него так, что тот со словами: « Псих ненормальный », поспешил отойти в сторону.

И он вдруг понял, что сила растущая в нем имела название. Она называлась свободой. Чужие навязанные правила,

по которым ему приходилось жить раньше, больше не вызывали в нем возмущения, а в своих собственных он не сомневался.

Внутри у него зарождалось еще нечто такое, что никому не под силу разрушить – вера в самого себя. Теперь он понимал чего хочет и понимал также, что теперь сможет выдержать все: удары судьбы, предательство, собственные страдания от соприкосновения с жизнью. Боль теперь не пугала его. Он пережил войну в собственном сердце и прошел через ад унижений, научился превращать шрамы в опыт. Тому, кто попытается вновь испытать его терпение на прочность – он посоветовал бы вначале хорошо подумать.

Прошло еще несколько относительно спокойных лет. Обучение в школе подходило к концу, и надо было думать о том, что делать дальше. Желание рисовать никуда не делось и получив аттестат, он устроился на работу в Дом культуры котельно-вентиляторного завода и стал там рисовать афиши. Работа не Бог весть что, но Андрей не считал себя неудачником. Он был еще очень молод и все это, конечно, временно, а неудача, на самом деле это искать счастья в чужих тарелках, и ни дня не прожить так, как хочется тебе самому, так он думал. Платили ему гроши, но ему хватило, чтобы наконец отделиться от матери и жить самостоятельно. С этих грошей он ухитрился оплачивать уроки живописи у своего коллеги, спившегося члена Союза художников, который вел в этом ДК кружок изобразительного искусства. Нау-

ка «только острее карандаш затачивай» пошла ему на пользу и следующим летом он отнес документы в городское училище, готовившее художников-прикладников, реставраторов, декораторов, оформителей и был зачислен на 1 курс.

Глава 6

Свет внутри человека освещает весь мир

Прошло еще три года. За это время Андрей успел закончить училище и отслужить в армии. Он снова вернулся в свой Дом культуры, но уже не рисовальщиком афиш, а штатным художником – оформителем. В этом ДК иногда ставили спектакли, в основном детские, и в обязанности Андрея теперь входило изготовление сценических декораций. Работа эта тоже не была завидной. Жалование он получал невысокое, но несмотря на это, Андрей вкладывал душу в любой предмет, который ему приходилось делать, будь то декорация для сцены, бутафорская кукла или костюмы. Помимо прочего, он научился управляться со светоустановкой и фильтрами. В общем, и швец и жнец, и на дудке игрец. Работал за троих, платили ему негусто, но это было полбеды. Мысль об отсутствии будущего теперь угнетала его. И однажды Андрей решил, что он уедет в Петербург.

Когда-то, очень давно, он уже побывал в этом замечательном городе с отцом. Это было на весенних каникулах.

В Петербург, тогда, наконец, пришла весна. Отчего-то в том году она была поздней. Такой поздней, что все устали дожидаться ее. Пожалуй, даже птицы еще не поверили в ее

приход и потому молчали.

Андрею тогда исполнилось тринадцать. Зная о предстоящей поездке, он невероятно важничал сначала перед своими друзьями в художественной школе, а потом уже в поезде задирает нос перед соседями по купе, потому что кто-то из них ехал до Твери, а что такое Тверь, по сравнению с Петербургом! Кто-то вообще до Вышнего Волочка, так об этом даже и говорить не стоило. Было невероятно солнечное утро.

Они с отцом вышли на Московском вокзале. Это теперь вокзал перестроили, и он стал похожим на европейский, а тогда он был другим, грязным и неухоженным, как рядовой и провинциальный.

Когда поезд только подъезжал к городу, ему вдруг показалось, что он слышит, как тяжело вздыхает город, словно он болен, будто простужен. Локомотив совсем сбавил ход и вдоль окон состава тянулись бесконечные стены и постройки из закопченного, а потому казалось почти черного кирпича. А Андрей уже приготовился увидеть дворцы и фонтаны!

Была весна, но жара и духота казались нестерпимыми, и невыносимо хотелось пить.

Они с вокзала поехали к давнему приятелю отца, с которым он учился в ленинградском тогда еще институте.

Дом, который они искали, был старинный, невероятно красивый, весь в искусной лепнине и сам по себе напоминал музей. Они поднялись по широкой лестнице на третий этаж и позвонили. Дверь открыла маленькая сухонькая старушка

в непонятного цвета драпире, замотанная платками, такими же старыми и побитыми молью. Она вопросительно уставилась на нас подслеповатыми глазами.

Марьвасильна, здравствуйте! Я – Николай, я учился вместе с вашим сыном в институте. Я был у вас не однажды по приглашению Валерия. Он дома?

Валера теперь живет в Израиле. Проходите, Коля, я вас помню, она любезно пригласила их войти.

Квартира, в которую они попали, тоже напоминала музей, и все предметы, находившиеся в ней, вместе с хозяйкой являлись его экспонатами. Огромные окна, расстроенный черный рояль в углу, шкафы, набитые книгами, засохшие фикусы, горка с посудой, которой очевидно уже давно никто не пользовался, старые огромные кресла, в которых можно было легко утонуть, скрипучий плюшевый диван... И везде статуэтки, фарфоровые безделушки, фотографии на стенах, пыль и полумрак. Старуха включила огромную лампу в желтом абажуре на бронзовой ноге, и пошла на кухню ставить чайник.

Марьвасильна, я вот сына привез посмотреть город, не приютите бедных провинциалов на недельку?

Я так рада видеть вас, Коля. Конечно, живите. У вас очаровательный сын.

Андрей смутился и покраснел. Тринадцатилетний подросток не понимал, что очаровательного в нем, угловатом мальчишке в джинсовом костюмчике, с короткой стрижкой и

светлыми волосами и девичьими глазами. Это были мамины глаза. Огромные, зеленые, почти прозрачные, с длинными темными ресницами.

Старуха была подслеповата, и никак не могла вспомнить, куда запропастились ее очки, она долго искала их, чтобы очевидно разглядеть гостей получше, но так и не нашла...

Они долго пили чай, и Марьвасильна рассказывала нам о том, что давно живет одна, что Валерка ей только звонит и то редко, поэтому не с кем и словом перекинуться, что несказанно рада им, так неожиданно свалившимся на ее голову. Потом она долго вспоминала свою юность, которая была бурной, потому что она когда-то пела в оперетте, и имела успех, а еще больше о своих любовниках, которых похоже было несметное количество, и как хороша она была когда-то. Андрею вскоре наскучили эти разговоры, хотя отец делал строгие глаза, то и дело взглядывая на сына, а сам продолжая вежливо выслушивать старушечий бред и разглядывать альбомы с пожелтевшими фотографиями незнакомых им людей. Андрей уселся на подоконник с Атласом певчих птиц Великобритании и стал рассматривать замечательные иллюстрации, переложенные прозрачной бумагой.

Марьвасильна устроила их в другой комнате, где раньше жил ее сын, переехавший на пмж в Израиль, теперь эта комната пустовала. От белья и стен пахло затхлостью.

Среди ночи Андрей почувствовал себя неудобно. Андрей видел, что и отец не спит тоже и пытается включить свет. На-

конец он справилась с выключателем, и им предстала жуткая картина. По всей постели рядами маршировали клопы. Черные, откормленные, размером с крупные горошины.

Так они с отцом и сидели до утра при свете. Едва рассвело, отказались от завтрака, сославшись на какие-то обстоятельства и наспех простившись с Марьвасильной поехали устраиваться в гостиницу.

Это была совсем крохотная гостиница. Если идти по Невскому от Дворцовой площади, а потом свернуть на Литейный, а потом еще раз повернуть налево, то вы найдете переулок где и по сей день стоит небольшой четырехэтажный особняк серого цвета стиля модерн... До революции он очевидно был доходным домом. Андрей читал, что Есенин покончил с собой в отеле «Англетер», но администратор этой гостиницы почему-то утверждала, что Есенин повесился именно у них, в этой самой гостинице и даже водила показывать водопроводную трубу, к которой якобы когда-то была привязана та злополучная веревка. Впрочем, Андрей где-то слышал, что поэт стрелялся.

В большой и светлой комнате, окнами выходящей в обычный питерский колодец, стояло шесть кроватей с панцирными сетками, и убогими тумбочками. Просторный шкаф, вот, пожалуй, и все. Пресловутые удобства и душ на этаже. Но разве этим можно напугать человека, приехавшего в Петербург! К тому же плата за сутки была терпимой для их провинциального кошелька.

Постояльцы показались веселыми и общительными, и соседство было приятным. Вечерами все собирались, грели воду маленькими дорожными кипяtilьниками в казенных стаканах вставленных в потемневшие от времени и тысяч рук подстаканники и делились впечатлениями, наперебой советуя друг другу сходить туда-то, посетить то-то, посмотреть это.

В то время Андрей учился живописи художественной школе. Помимо нее ему преподавали рисунок, композицию, скульптуру и историю искусств. Андрей удирал с уроков рисунка, которые казались ему невероятно скучными в подвалы школы, где находились классы скульптуры. Волшебный запах мокрой глины, которую они набирали в огромных металлических ящиках Андрей помнил и сейчас. И то, как эта глина легко поддавалась его пальцам, и они рождали на свет божий все, что просило его воображение.

Сутра он брал бутерброды, альбом и карандаши и уходил в Эрмитаж на целый день, пока уже вечером голод не выгонял его. Он ходил от полотна к полотну, вдыхал запахи старинных полотен, разглядывал кракелюры, подходил ближе, отходил дальше, застывал на месте словно зачарованный, иногда лишь присаживалась на скамейку в каком-нибудь зале и листал путеводитель, наспех запихивая себе в рот бутерброд с «докторской»....

Когда смотрительница не видела, он кончиком пальцев тихонько прикасался к раме и застывал на мгновение, за-

зжмурился. Путеводитель никуда не делся и Андрей и теперь бережно хранит его и часто открывает. Листая его, он будто снова возвращался в эти залы, которые помнил их по номерам и знал, в каком зале находятся картины каких мастеров. Вечерами они с отцом долго гуляли вдоль набережных, вдоль седых оград, Андрей обязательно здоровался с Невой, опуская в нее свои детские ладони. А однажды на одном из сфинксов на Университетской набережной он увидел надпись: «здесь был кот». Они с отцом долго смеялись, потому что то, что отец когда-то рассказывал ему про сфинксов и пирамиды, но все это мало было похоже на то, что сфинкс это кот... Этот город покорила его, запал ему в душу и снился ему. Андрей даже стал думать, что когда-то, в прошлой жизни он возможно жил в Петербурге, потому что ему снилась одна и та же квартира, один и тот же дом и сад и переулок казался знакомым и назывался Батайским...

Но день отъезда свалился на голову так неожиданно, как валятся на наши головы разные беды и неприятности.

И лишь потому, наверное, Андрей не успел опомниться. Поезд уходил в 22-00 и в тот день они с отцом еще успели посмотреть фонтаны Петергофа и, отец сделал ему роскошный подарок. Это была огромная коробочка знаменитой ленинградской акварели, которую тогда и столице было не отыскать. Не дешевую картонную, а настоящую, пластиковую, голубую с белой крышкой и ложечкой для кисти. Каждая ванночка с краской была словно новогодняя игрушка завернута в серебря-

ную бумажку, и я, перебирая их, читала сводящие с ума названия «Марс коричневый», «Кобальт синий», «Феодосийская земля», «Охра»...

Краски давно закончились, а коробку Андрей по сей день хранит.

Это была целая неделя счастья. А теперь маленький мальчик сидел и думал, почему и зачем его увозят из этого города, откуда он так не хочет уезжать, и о том, что «Мадонна с цветком» непременно расстроится, если завтра утром он не придет, чтобы сказать ей: «Здравствуйте». И еще он думал, что когда-нибудь приедет и останется здесь навсегда.

Так оно и вышло. Теперь Андрей живет в Петербурге, почти в самом его центре, за его окнами Обводный канал и два изящных мостика. У него есть две кошки. Они вместе коротают северные снежные зимы, дожидаются весны, и бесконечно любят друг друга. Но это уже совсем другая история, до которой пройдет не много не мало... Целых двадцать лет.

К тому времени, как он все решил и собрался уезжать, мать его была уже сильно больна. Он сообщил об отъезде ей не заранее, а в вечер отъезда, билет лежал у него в кармане и сумка с вещами была собрана. Он очень боялся, что она как обычно начнет кричать, а потом встанет крестом у входной двери, раскинув руки в стороны. Но она не кричала. Сказала, что поняла то, что если бы не отпустит его, то он что-нибудь над собой сделает, и отступила.

Он не мог дальше оставаться в этом доме и в этом городе.

Андрей ушел на вокзал задолго до отправления поезда, создавая себе иллюзию уже начавшегося пути в другую жизнь, которую ему не терпелось начать. Тогда он несколько часов сидел в зале ожидания, пил водку и закусывал огурцами из 3-х литровой банки, которую ему выдала мать. Объявили, наконец, прибытие поезда, он сел в поезд, кинул вещи под полку и заснул, а утром оказался в Петербурге. Город снова хрипел и кашлял всеми ветрами, грохотом проспектов, кричал сигналами авто. Ветер, пропахший куревом, нанизывал отголоски чьего-то рассыпчатого смеха и чьего-то отборного мата на ветви редких деревьев... Он вдохнул полной грудью этот смог и он показался ему самым чудесным бризом, прилетевшим откуда-нибудь с благословленной Атлантики....

Глава 7

Куда бы ты ни пошел,
везде найдешь то, что принес с собой

Специалист подразделения «П» Матвей Ильинских проснулся от телефонного звонка. Была глубокая ночь, но он сразу понял, что выспаться не получится. Звонил его начальник, полковник Сухов, мужик серьезный и немногословный. Старый волк, имя которого приводило в трепет всех злодеев, от воров в законе до рядовой шпаны. Это тот редкий случай, когда работа и призвание слились воедино, породив полковника Сухова – икону начинающих сыскарей, почти легенду, важняка из первой десятки страны. Инфаркт давно бегал за

ним, но Сухову пока удавалось вовремя уносить ноги. Врачи давно мечтали упечь его в ведомственную больничку, но плохо они знали полковника. А может, наоборот, хорошо знали, поэтому отстали, махнув рукой на это безнадежное мероприятие.

Матвей боготворил своего шефа и заслуженно. И даже спросонья заулыбался, услышав в трубке знакомый голос:

Собирайся. Едешь в Питер. Там серия. Местные, блядь, не шевелятся. У них полгода серийник орудует, а они ни ухом, ни рылом. Вводные я тебе на почту скинул.

Понял. Еду.

Местные пока не научились вычислять серийных убийц. Они энергично и умело шли по следу, как настоящие гончие, загоняя дичь. Но искать лёжки, логова и лежбища они не умели. Их учили всему, но не искать. Точнее вычислять. Вычислять это его задача специалиста высочайшего уровня.

Что ж служивому собраться, только подпоясаться. Вот только ботинки еще не просохли, с досадой обнаружил Матвей. А смена в ремонте, все забывал забрать. Он чертыхнулся, потому что и бак его внедорожника оказался почти пуст. Ездил к родителям на дачу, навестить и отвезти старикам продукты и забыл заправить машину. Он оглянулся, отыскал взглядом канистру. Она была заполнена наполовину, но содержимого хватило, чтобы немного заправиться. «Ладно, по дороге залью – главное не прошляпить заправку», Матвей повернул ключ, мотор зарычал, ожил, автомобиль мягко вы-

катился из гаража и умчал седока в ночь.

В районе Твери, когда стрелка датчика бензобака уже кле-вала отметку «ноль», Матвей увидел заправочную станцию. На этих загородных заправках часто бадяжили бензин вся-ким дерьмом, но эту он знал. Тут бензин всегда хороший, а дерьмо не для его машины. Он любил и берег своего друга и тот его никогда не подводил. Свой внедорожник он называл Хантером, что переводится как охотник. Собственно говоря, Матвей и сам был в некотором смысле охотником.

Оплачивая топливо, Матвей обнаружил, что бензин опять подорожал. Черт! Все считают, что парни из «П» это крутые ребята из параллельных реальностей, все сплошь термина-торы, их карманы лопаются от денег, и тачки свои заправ-ляют ядерным горючим или гептилом на крайний случай, а не 95 бензином, цена на который росла день ото дня. Как правительству не надоело устраивать бесконечные кризисы, а потом десятилетиями разруливать их последствия. А если не устраивать и не разруливать, то зачем они тогда нужны. Хороший вопрос....

Но подразделение «П» всё это никак не интересовало. Они лишь готовят спецов, а потом определяют кого куда от-правлять и все. Никто его даже слушать не станет.

К полудню Матвей уже домчал до Питера. Город встретил его дождем и полным отсутствием снега. Он сразу поехал в Главное следственное управление на набережную Мойки. Именно туда ему надлежало явиться.

Глава 8

Они не могут петь, потому что не знают либо мелодии, либо слов

Спецов из «П» местные не любили, иногда не скрывая ненавидели, разговаривали сквозь зубы, информацией делились нехотя, часто втихаря саботировали их работу. Местные всегда были уверены, что никаких серий нет, а все эти профи приезжают, чтобы отжать у них звездочки, повышения, звания и все, что к ним причитается за раскрытие особо опасных дел. Видимо, поэтому встретили его сдержанно, а скорее даже подчеркнуто сухо, мол, не расслабляйся, чувак.

Следственная группа была небольшой. Возглавлял группу подполковник Белозеров, красивый мужик немногим за пятьдесят. Матвей сразу оценил парфюм подполковника и его выправку. Статный, синеглазый, с короткой безупречной стрижкой и благородным лицом. «Скорее всего разведен и должно быть женщины по нему с ума сходят», подумал Матвей автоматически. «Бледный и сухой с европейским взглядом» пришли на ум строчки из Бродского. Эту привычку, сразу, при первом же взгляде, рисовать мысленный психологический портрет человека Матвей приобрел в «П». Теперь уже она была доведена до автоматизма и срабатывала сама по себе.

В группу входили следователи – капитан Градов и старший лейтенант с красивой и редкой фамилией Рябинкин. Не

привычной Рябинин, а именно Рябинкин, и он очень ей соответствовал, такой он был молодой, свеженький и опрятный. Одет в штатское. Джинсы не из дешевых и тщательно выглаженная рубашка. Чувствуется женская рука и кольцо еще не потерто, вон как сверкает, значит, женат недавно. Еще быт не заел, еще не надоели друг другу и молодая жена заботится и ему хочется выглядеть для нее на пять с плюсом. «Пока получается», грустно улыбнулся Матвей. Вспомнил свой брак, счастливый поначалу и развалившийся через год из-за его работы. Он приходил за полночь, и вместо отдыха вынужден был выслушивать истерики жены, никак не желавшей понять, что он любит свою работу, что жить без нее не может.

Да как можно это любить? Трупы, маньяки, кровь, сперма, дерьмо, ужас!

Она плакала, а он смотрел на нее уставшими глазами, утешал, как мог, и думал об одном, как быстрее добраться до постели. Последней точкой стало то, что он просто заснул во время очередной истерики жены. После этого она подала на развод, а Матвей, выйдя из ЗАГСа, вдруг испытал настоящее облегчение. Больше он даже не думал ни о браке, ни о семье. А со временем совсем перестал думать о женщинах. Разовые связи, конечно, у него были, но это другое. Все это очень беспокоило его родителей, но они слишком сильно любили его, поэтому приняли его решение жить одному и не заводили подобных разговоров. А вот недавний фильм его

удивил. Оказывается, он еще может очаровываться. Матвей хмыкнул своим мыслям.

Градов, напротив, был какой-то неухоженный, взлохмаченный человек лет сорока пяти. Лицо одутловатое. Мешки под глазами. То ли почки больные, то ли пьющий. Форма помятая, ботинки давно не чищены, да и запах... Явно у капитана потеют ноги. Неприятно, но что поделать... Придется терпеть. Он тут в гостях, а со своим уставом, как говорить... Да и ссориться из-за такой мелочи не стоит.

Эксперта-криминалиста все звали Иваныч, хотя имя его было Лаптев Иван Антонович, грузный, с фактурной внешностью и пышными усами дядька лет шестидесяти. Матвей заметил на свитере эксперта рыжие шерстинки. «Наверное кот, а может и собака», подумал он.

Матвей очень любил животных, но не мог позволить себе ни кота, ни собаку. Такая работа. Зато у родителей был пес Рыжий. Старый сеттер. Отец лет пятнадцать назад нашел его зимой в поле около садоводства, продрогшего, голодного и больного. Как он туда попал, непонятно. Пса отец привел домой. Долго расклеивали объявления на столбы и деревья, но никто так и не отозвался... Он остался у них жить. Матвей очень любил его, но с тревогой думал о своих стариках, что будет, когда пес убежит на радуго? Век собачий слишком короток, а старики так привязались к нему. Особенно отец. Они и в лес и на рыбалку, везде вместе. Даже говорят на одном им понятном языке. Мама смеется и, похоже, немного

ревнует. Собаку к отцу или отца к собаке?

«Это она завидует настоящей мужской дружбе», шутит обычно отец, будто оправдываясь...

Воспоминания о своих родителях всегда вызывали в Матвее волну теплой нежности. А ведь они ему не родные и усыновили его почти сорок лет назад, но дали ему столько любви, сколько иным родным детям не дают. Может, поэтому этот пожилой грузный человек вызвал у него расположение и симпатию с первого взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.